

ДОМ, В КОТОРОМ ГОРИТ СВЕТ

есть такое счастье: ты и твоя жизнь.
это не повторится.

Эльчин
Сафарли

Эльчин Сафарли

Дом, в котором горит свет

Серия «Бестселлеры Эльчина Сафарли»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43445932

Э. Сафарли. Дом, в котором горит свет: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2019

ISBN 978-5-17-115996-2

Аннотация

«...я вижу в этих словах истину – они о настоящей любви, о любви на всю жизнь, о том, что такая любовь существует. И чтобы ее найти, не надо никуда ехать, достаточно повернуть ключ в замке: обнимать крепко-крепко, радоваться тому, что встречаешь в новом дне, и уметь находить покой. Словно сидишь возле июльского моря с закрытыми глазами, но с открытым сердцем. Когда ты встретишь и узнаешь себя, ты встретишь и узнаешь того, с кем захочется спеть любимые песни и заварить не одну чашку кофе».

Содержание

1. Вспомни о том, как она прекрасна, жизнь	5
2. У нас с тобой единые маяки	8
3. Выйди из клетки надуманных страхов	10
4. Продолжай делать то, во что вкладываешь любовь	13
5. Где много любви, там много ошибок	16
6. Когда любишь, ты в ладонях Бога	19
7. Хочу быть к тебе ближе	22
8. У тебя достаточно мужества, чтобы начать сначала	24
9. И сделать мир хотя бы чуточку лучше	28
10. Жизнь открывает ладони, показывает сокровища	31
11. Слушай сердце, в нем карты главных маршрутов	34
12. Пусть свет в твоих глазах не угасает	36
13. Немного солнечного мая – и, тоненький бисквит ломая, тончайших пальцев белизна	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эльчин Сафарли

Дом, в котором горит свет

© Сафарли Э., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Моей бабушке Анне Павловне Смирновой

Я ищу того, кто похож на окно, распахнутое на море.

Антуан де Сент-Экзюпери. Цитадель

Ни один человек не в состоянии жить без корней – корней в крохотном оазисе среди пустыни, в красной глиняной земле, на горном скате, на каменистом берегу, на городской улице.

В черный суглинок, в болото, в песок, в камень, в асфальт или в ковер каждый человек глубоко пускает корни для того, чтобы называть это место своим домом.

Курт Воннегут. Механическое пианино

1. Вспомни о том, как она прекрасна, жизнь

Флора,

я приехала в город с морем. Путь выдался нелегкий, длинной в полжизни. Случались дни, когда я думала, что уже не доберусь или, еще хуже, что ехать бессмысленно, – как же без них. Мы инстинктивно избегаем боли, но страдание может стать началом счастья.

Я тут. В доме с большим окном. Сажу возле него, смотрю на воду, пишу тебе. Долго искала место, где начну писать тебе письма. Однажды они окажутся у тебя, хочу надеяться, ты прочтешь их и поднимешь бокал. «A la vie!»¹

Флора, не погружайся в проблемы и тревоги глубоко, они будут всегда, лучше приготовь вкусной еды, пригласи близких и вместе вспомните о том, как она восхитительна, la vie. Местами жесткая, горькая, но все равно прекрасная.

Знаешь, что я привезла с собой сюда? Много любви, чуть больше воспоминаний, немного боли и банки брусничного джема. Моего любимого. С десяти лет его варю.

В саду дома моего детства брусника росла вдоль длинного забора. Сначала я встречала ее только в лесу, потом дедушка

¹ За жизнь! (ит.)

привез саженцы, рассадил на заднем дворе, недалеко от канала. Маленькой девочкой я боялась туда заглядывать. Там жил страшила, прибежавший из оврагов северного мыса. Я придумала ему имя, Чернушка, и историю: как он поселился в зарослях шипастых кустов, как там стало темно, влажно, как ни одно из растений не цвело.

Чернушка кидался колючками, разгонял бабочек, пчел и всех, кто отваживался заглянуть за дом. Кроме деда. Стоило ему появиться, как Чернушка становился невидимым.

Дедушка посадил бруснику, кусты быстро разрослись, обросли сочно-зелеными листьями, со временем вспыхнули красными плодами. Задний двор изменился. Сначала там зажужжали шмели, потом запорхали бабочки и мелкие птицы. Темных цветов становилось все меньше. Чернушка не выдержал обилия красок и в ночь августовского полнолуния убежал в лес. А задняя часть сада стала моим любимым местом.

Часы напролет я сидела у зарослей брусники, пела им песни. «Я старая Сова, живу я на дубу. / Чем больше вижу я, тем меньше говорю! Чем меньше говорю, тем больше голова. / Ах, ну зачем Сове ненужные слова?»² Мне казалось, что бруснике нравились мои песенки, поэтому она одаривала нас вкусными плодами. Сырыми их много не съешь, но джем из них получался – пальцы проглотишь. Бабушка варила его в чугунной кастрюле.

² Перевод Л. Баландиной.

Брусничный джем – вкус детства. Всю жизнь пыталась сохранить его в себе, не растерять.

Девочка моя, мы состоим из тех вкусов, запахов и цветов, которые в себя впускаем. Внимательно выбирай то, чем себя питаешь.

Ладно, пошла мыть окно, оно в мутных следах вчерашнего шторма. Еще напишу.

Люблю,
Ани

2. У нас с тобой единые маяки

Флора,

знай, у тебя сверхкоммуникабельная бабушка! Вторую неделю тут – и уже нашла друзей. Хотя, когда ехала сюда, у меня был другой план: наслаждаться уединением, записывать настроения моря, варить джемы и делиться с тобой мыслями. За свои семьдесят два я встретила много разных людей и собиралась поразмышлять об этом бесценном опыте, а не продолжать его. Но не зря же говорят: плох тот план, который нельзя изменить. Ну да ладно...

Хочу познакомить тебя с Нейметом и Нелли. Они муж и жена, почти мои одноклассники, чуткие люди щедрой земли.

Вечерами ходим друг к другу в гости, пьем лавандовый кофе (девочка моя, попробуй: перетертые в ступе цветы лаванды смешай с молотой робустой, завари), поем Джо Дассена (у нас одинаковая любовь к песне «Quand on sera deux»³, и ты послушай! «Когда мы будем жить вместе, я тебе построю дом. / Его окна будут выходить на горизонт»), говорим о радостях и тревогах. Будто знаем друг друга десятки лет, будто вместе объездили мир, встречая тысячи приливов и провожая столько же отливов.

³ «Когда мы будем вдвоем» (фр.).

Флора, у родственников душ одни и те же маяки.

Вчера Неймет с Нелли принесли мне запеченную на углях кукурузу, натертую морской солью с чесноком и оливковым маслом. Вкусно! «Это то, что осталось от урожая, Ани. Решили приготовить и угостить соседей. Для продажи, если жизнь позволит, будет уже в следующем году». Много лет Неймет выращивает кукурузу, Нелли помогает.

В этом году город окутал изнуряющий зной. Стояла такая жара, что кукурузные поля Неймета невозможно было спасти. Выгорели.

Они сидят передо мной, рассказывают о потерях без горечи в голосе. «Такое за все годы впервые. Столько лет нас кормила эта земля, спасибо ей. Вырастили детей, дом построили. В этот раз не сложилось, пытались больше поливать, все равно выгорела. Значит, так и должно было».

Девочка моя, счастье не в том, чтобы все получалось. Как бы ни обернулось, главное – суметь извлечь из случившегося урок: один придет к какому-то выводу, другой чему-то научится, а кто-то возьмет и отпустит. Люди часто слишком серьезные, усложняют, закливаются, вместо того чтобы принять, выдохнуть и двинуться дальше. Еще напишу.

Люблю,
Ани

3. Выйди из клетки надуманных страхов

Флора,

твоя бабушка с сегодняшнего дня приступила к поискам работы. Время летит незаметно, вот уже месяц, как тут, а аренда дома оплачена за два, надо поторопиться. Этот поиск не страшит – начинается новое. Значит, жизнь что-то хочет мне рассказать.

Кто-то воспринимает точку в конце последнего предложения как финал. Для меня точка – начало других, новых историй. Пока они тебе интересны, ты живешь.

Мой пятидесятилетний стаж бухгалтера тут не пригодится, да и подустала от цифр. Сейчас больше всего мне нравится наблюдать за морем, писать письма и варить джемы. Поэтому займусь-ка я тем, что доставляет удовольствие. Варить джемы под песни моря – что может быть прекраснее? Я равнодушна к вареньям и без ума от джемов. Ты спросишь, почему?

В джеме не обязателен один вид фруктов или ягод, можно сочетать разные (яблочно-сливовый или клубнично-вишневый – фавориты!); джем для разного годится – хочешь, намазывай на хлеб, начиняй пирожные, пироги. А еще джем, в

отличие от варенья, можно готовить из слегка недозревших плодов. Кстати, перезревшие или мятые ягоды в джем нельзя, он потеряет блеск и желейность.

Нелли провела аналогию: джем, в котором ягоды при варке полностью развариваются, напоминает ей женскую природу. «Мы так же растворяемся в мужчинах. К сожалению». Я промолчала, продолжая нарезать айву для своего первого сваренного тут джема. Слова подруги – итог, вынесенный из ее опыта. В моей истории такого нет. Я любила уверенно, смело. Чувство, делавшее только лучше.

Внутри меня всегда существовало незримое пространство – комната с видом на море, куда я возвращалась к себе. Там были уединение, тишина, соленый запах моря из форточки, закипающий брусничный джем на плите и мысли о близких людях. Комната эта была не местом побега – жизненно важным узлом, где переплетались любовь и свобода.

Девочка моя, как же важно выйти из клетки в голове (с кучей надуманных страхов), увидеть, как прекрасна жизнь (и впредь не позволять себе думать иначе). Неповторимая, с лазоревым небом, с росой на листьях, со встречами и разлуками.

Простить себя за сбившийся вектор, извлечь опыт, влюбиться сильнее прежнего. И не расставаться с этим божественным чувством – любовью к новому дню. Еще напишу.

Люблю,

4. Продолжай делать то, во что вкладываешь любовь

Флора,

раскладываю остывший айвовый джем по банкам – янтарный цвет, аромат на весь дом, вкус бархатистый, совсем не вяжущий. Надеюсь, те, кто его купит, станут чуть счастливее, хотя бы на время завтрака, когда будут намазывать джем на теплый хлеб с маслом.

Увы, хоть я и разменяла восьмой десяток, во мне не утихает голос внутреннего критика. Этот критик утверждает: то, что ты делаешь, обычное, безвкусное и мало кому понравится, нет в тебе таланта, и вообще смирись с собственной ничемностью.

Да, девочка моя, голос критика по-прежнему громок и так же безжалостен, как тридцать лет назад. Он может звучать всю жизнь, ничем не заглушишь. Как с ним справиться? Выслушать и продолжать делать то, во что вкладываешь любовь.

Никто не сможет определить талант, кроме времени. Путь у каждого особенный: когда создаешь что-то, для себя важное (что не создавать попросту не можешь), помни, что нет такого второго, как ты. Помни это и будь здесь и сейчас. А го-

лос критика пусть станет твоим азартом – доказать, что сможешь, что получится.

Флора, талант без труда ничего не стоит. Как же много тех, кто винит окружающих в своих бедах вместо того, чтобы учиться, совершенствоваться. Работай – и тогда обязательно будет результат. На этом нелегком пути хочу пожелать тебе душевного спокойствия. Мы становимся жертвами депрессий потому, что стремимся быть идеальными. В побеге за придуманным образом не успеваем наслаждаться моментом, а жизнь и есть моменты. В них самый ее сок.

Завтра отвезу банки с джемом в лавку на улице Выцветших Портретов. Там пахнет индийской едой – пестрый аромат, смешавшийся с мягким запахом цветущих деревьев. Часто прихожу сюда, сажусь на голубую скамейку, закурываю сигарету (позволяю себе одну в день) и вновь убеждаюсь в том, что самое важное всегда тихое, неспешное.

Торговец Густав (в его лавку ходит весь город; нас познакомил Неймет) принял мое предложение без энтузиазма. «У нас своих джемов хватает. Чем твой лучше? Ладно, принеси, выставлю твои банки в воскресенье, вдруг кто и купит». Верю, что все получится.

Люди и ситуации – наши учителя, Флора. Главное – что ты сделаешь, как отреагируешь: уйдешь или останешься, поможешь или упрекнешь. Каким ты видишь мир, таков мир и в тебе. Еще напишу.

Люблю,
Ани

5. Где много любви, там много ошибок

Флора,

за два квартала от моего дома стоит католическая церковь, в которую хожу по средам. Там думаю о совершенных ошибках. Они всегда со мной. Не верю, когда говорят «я себя простил». Такое невозможно.

Я признаю свое право на ошибки, но последствия совершенных поступков, произнесенных слов, неделанного и несказанного живут во мне бесконечным сожалением. Не прошу Бога о прощении. Стою перед ним и вижу свет, помогающий справиться с болью.

Сегодня на доске объявлений в притворе я увидела слова, которые хочу передать тебе. «Где много любви, там много ошибок. Где нет любви, там все ошибка». Девочка моя, я встретила с этой мыслью, и мне стало легче. Мудрость и опыт вырастают из сомнений – вряд ли у кого-то иначе.

По дороге из церкви захожу на рынок. В городе веет осенью: ветер с моря стал прохладнее, на прилавках больше яблок, утром часто туманно, ночами – грозы. Покупаю дыню, буду варить из нее джем. Твоя мама любила мой дынный джем с имбирем, особенно зимним утром, на булочке – сво-

им солнечным цветом и душистым вкусом он возвращал в лето. Я учила Сару его варить. Она помнит рецепт? Спроси у нее.

Главное в выборе дыни – аромат. Он должен быть манящим. Это значит, что фрукт спелый (такая дыня быстро пустит сок, когда засыплешь сахар). Варить дынный джем надо в три приема. Лимонную цедру и тертый имбирь добавляй после второго закипания.

Из шести килограммов очищенной и нарезанной дыни сварю двенадцать баночек джема. Пять отправлю на продажу, шесть раздам соседям и одну, самую большую, поберегу для тебя, моя девочка. Жду дня, когда ты приедешь и я напеку тебе лепешек. Будем есть их с дынным джемом.

Сижу перед столом – тарелка с черным виноградом, книга Хикмета, бумага, ручка. Варить кофе не стала, скоро спать. К вечеру море потемнело, появились волны, резкие, порывистые. Приближается циклон. В любом случае утром выйду к берегу. А пока разок вскипятила кусочки дыни и наслаждаюсь тишиной дома.

Флора, мне хорошо здесь (и тебе понравится). Я счастлива, что не побоялась оставить город, где родилась, выросла; что уехала в незнакомую страну. Хотя не совсем и чужую – тут море, давнишний друг.

Человек имеет право выбирать место жизни так же, как одежду, парфюм, профессию. Нельзя быть там, где плохо. Если неудобно, больно, надо сорваться с насиженного места,

выбежать на берег и нырнуть в океан. Единственное условие – любовь. Все остальное – отговорки. Еще напишу.

Люблю,

Ани

6. Когда любишь, ты в ладонях Бога

Флора,

сегодня твоему дедушке исполнилось бы семьдесят шесть. Хочу верить, что его душа обрела покой.

Я оставила Франка, когда твоей маме исполнилось шестнадцать. В то время я уже как неделю встречалась с другим мужчиной. Скрывала, не хватало смелости признаться. Набралась мужества – и все изменилось.

Я ушла, спустя год Франка не стало – повесился. В день похорон Сара сказала: «Ты убила нас всех». На следующий день она ушла; много лет ищу ее.

* * *

Когда мне горько, готовлю джемы. Это то, что лечит. Вот что я заметила, Флора: в обычные дни я варю джемы по классическим рецептам, в сложные – добавляю в них цветы. Сегодня готовлю любимый джем Франка, инжирный. Нелли подарила мешочек лавандовых цветов, в этот раз они украсят вкус джема. Флора, еще в Древнем Риме настоем из лаванды снимали беспокойство, умирляли дух гнева.

Инжирно-лавандовый джем хорош как угощение к чаю, как начинка для выпечки, а еще как аккомпанемент к сыру.

Нарежаю инжир на мелкие кусочки, закидываю в чугунную кастрюлю (она, чертовка, с характером, не все благополучно готовит, но инжир обожает, варит безупречно). Сбрызгиваю лимоном, засыпаю сахаром, цветами лаванды, для густоты добавляю яблочного пектина. Перемешиваю, откладываю в сторону. Пусть инжир пустит сок, потом доведу до кипения и стану варить на небольшом огне.

* * *

Девочка моя, каждый человек живет со своей трагедией. И каждый справляется с ней как может: кто-то работает сутками до самозабвения; кто-то пытается убежать от прошлого, и города мелькают, как в калейдоскопе. А кто-то варит джемы, живя под гнетом невозможности встречи с тем, кому сделал больно.

Все эти годы мне так хотелось встретиться с Сарой. Обнять, попросить разрешения быть рядом. Не получилось. Спустя годы я встретила вас в метро. Тебе было лет восемь (ты так похожа на Франка). Увидела, как вы сели в вагон, не успела добежать...

Я вас жду. И буду ждать, пока живу.

Не пытаюсь оправдаться. Но хочу, чтобы ты знала, Флора: я любила всем своим существом, хотела быть честной,

поэтому и ушла. Моим решением управляли не страсть или самообман – любовь, и ничего больше. Его звали Борис. Мы прожили вместе много лет. Лучшие годы жизни, несмотря на боль, так и не давшую вдохнуть счастье полной грудью.

Три года назад Борис ушел из жизни, тихо, во сне. Благодаря ему я познала, что любовь – это быть в ладонях Бога. Любовь – как услышанная молитва, в которой нет слов, только море. Еще напишу.

Люблю,

Ани

7. Хочу быть к тебе ближе

Флора,

мечтаю, чтобы вы были рядом. Чтобы увидели этот магический город: как стаи чаек провожают рыбацкие лодки; как всплывает рассвет в дом, где все еще пахнет молотым кардамоном. Чтобы ты почувствовала, как хорош полуденный сон в морской прохладе и как прекрасно жить не спеша. Чтобы ты прочла слова на витрине букинистического магазинчика, мимо которого иду на рынок. «Самое лучшее море: то, где еще не плавал. / Самый лучший ребенок: тот, что еще не вырос. / Самые лучшие дни нашей жизни: те, что еще не прожиты. / И самое прекрасное из сказанных тебе слов: то, что я еще скажу»⁴.

Мне хочется быть рядом. Видеть, как ты смотришь на волны и кричишь мне сквозь шум ветра: «Они все разные! Не похожие друг на друга». Различать в тебе свои черты и стараться быть ближе. Не наставлять (прости, если в письмах иногда скатываюсь в морализаторство), а разговаривать. Попытаться наверстать хотя бы часть упущенного.

А еще хочется передать тебе рецепты.

Мы все обязательно встретимся. И меня не покидает

⁴ Из стихотворения Назыма Хикмета (перевод Б. Слуцкого).

предчувствие, что именно в этом городе. Не зря я решила приехать именно сюда. Случайностей не бывает.

Флора, я узнаю здешние улицы с закрытыми глазами. У каждой из них – свой запах. На одной слышен аромат свеженарезанного шпината, на другой – сахарной пудры, которой посыпают горячие пе-де-нонн⁵; в кварталах ближе к морю пахнет рыбными потрохами вперемешку с запахом погибающих на побережье медуз; вдоль ведущей в центр дороги – пожелтевшими книгами, жареными кофейными зернами и парфюмом мужчин, приезжающих в бордель «Сомкнутые глаза».

И все-таки у каждого города есть единственный аромат, незримо присутствующий в воспоминаниях. Город, где родились, выросли я и твоя мама, пах тоской брошенного ребенка о любви. Но это на мой взгляд, Флора. То, что мы говорим о городе, его характере и атмосфере, сообщает о нашем внутреннем состоянии.

Девочка моя, если бы я была городом, то Парижем. А ты? Еще напишу.

Люблю,
Ани

⁵ Французские пончики.

8. У тебя достаточно мужества, чтобы начать сначала

Флора,

надеюсь, перед тем как открыть это письмо, ты поела. Оно о вкусном.

В смесь из растопленного масла, муки и соли Нелли вмешивает яйца. Звучно разбивает их о край фарфоровой миски. Перемешивает и одновременно подпевает Морису Шевалье из магнитолы. «И, несмотря на глубокую темень, / Его блеск не может быть омрачен. / Париж всегда останется Парижем!»⁶ Подруга семь лет прожила в Лилле («Ох, Ани, милая, какая там говядина в соусе из темного пива и коричневого сахара! Ради нее одной советую туда съездить!») и именно там постигла l'art de vivre – искусство получать удовольствие каждый день от каждой мелочи.

«Там я научилась просто наблюдать за тем хорошим, что происходит в течение дня, – будь то возможность обнять любимого человека, попробовать вкусную еду или взять в руки новые туфли».

Утром собрались приготовить пе-де-нонны (вспоминала

⁶ Фрагмент из песни «Paris sera toujours Paris» («Париж всегда останется Парижем»), перевод В. Антушева. Автор слов Альберт Виллиметс.

о них в прошлом письме, девочка моя). Захотелось приготовить их самой, искала рецепт, поделилась идеей с Нелли, а она, оказывается, частенько балует ими мужа. И вот мы уже колдуем на кухне: окно распахнуто, чайки слетают на подоконник, попрошайничают.

«Тесто получится жидковатым и должно стекать с ложки крупными каплями. Поэтому не переусердствуй с яйцами: по четыре на каждые сто двадцать пять граммов муки и восемьдесят граммов сливочного масла. И с водой будь внимательна, мне хватает стакана».

Готовое тесто Нелли кладет в кондитерский мешок, шариками выдавливает в кастрюлю, в кипящее масло. «Некоторые хозяйки, увидев, что пышки подрумянились, решают, что они готовы. А они в середине сырые. Нужно дождаться момента, когда обжаренная корочка слегка прорвется; именно после этого пышки разбухают и идеально прожариваются внутри».

Готовые пе-де-нонны посыпаем сахарной пудрой и чуть-чуть – молотой корицей.

* * *

– Ани, в Лилле я избавилась от того, что связывало крылья, утяжеляло. Безусловно, куда мы бы ни уехали, всегда забираем туда себя, но от среды многое зависит. Мне было двадцать четыре: сумбур в голове, сбитые ориентиры. Не знала,

куда двигаться дальше. Вдруг приятельница, вышедшая замуж в Лилль, просит помочь ей с малышом. Я и уехала...

– Переломный момент, когда думаешь, что это конец, а на самом деле начало.

– Ага. И начинается то, о чем не думал. Часто именно неизвестное помогает обрести себя.

– Да уж, мир не подчиняется логике, Нелли. Хотя так хочется владеть ситуацией...

– Глупая затея. В жизни бывает и грустно, и весело, надо принимать всё – разноцветные карандаши Вселенной! Перемены – это шанс стать счастливее. А мы всеми силами им противостояим, выбираем теплое болото, известное до стебля каждого камыша. Как хорошо, что мы с тобой не испугались перемен и вот сейчас тут, вместе, посыпая пышки пудрой.

– Помнишь у Фицджеральда? «Надеюсь, ты живешь той жизнью, которую заслуживаешь. Если же нет, я надеюсь, у тебя достаточно мужества, чтобы начать сначала».

– А еще, попав в кризис, человек понимает, как важно прощать, не заикливаться на плохом и быть благодарным. Но как только ему становится лучше, возвращается к заблуждениям.

– Ага! Есть даже анекдот на эту тему. Выпал человек из окна, летит и молится: «Господи, если выживу, пойду в монастырь, стану хорошим человеком». Приземляется, остается жив и про себя думает: «Какой только бред в голову не ползет!» И так – большинство. Может, и мы с тобой тоже.

– Может... Ладно, хватит на сегодня философий. Пойдем-ка лучше к морю.

Любим тебя,
Ани и Нелли

9. И сделать мир хотя бы чуточку лучше

Флора,

сегодняшнее утро началось с воспоминания. Красивого, счастливого и одновременно горького. Как всегда, проснулась в семь сорок пять, распахнула окно, поздоровалась с морем и включила магнитоу. Даниэль Дарье поет «Petite fleur»⁷. Наша с Франком песня.

Мы впервые слышали ее в кафе на свидании – дождливый октябрь, первое попавшееся заведение на Нижнем проспекте, полупустой зал с желтыми стенами, разбухшие от влажности газеты на полке у входа, круглый столик с тремя стульями (один из них занят спящим рыже-белым котом), невкусные булочки с изюмом, но отменный кофе и звучащая фоном «Petite fleur». И мы, влюбленные и сумасбродные жители шумного города, мечтающие жить у моря.

А еще нам хотелось любить чаще и сильнее, научиться танцевать танго, добраться до заснеженного Гальштата (веселый городок: там есть обычай каждые десять лет выкапывать мертвецов, чтобы освободить место на кладбище, останки расписывают и выставляют в местной часовне), построить

⁷ «Маленький цветок» (фр.).

дом с видом на воду и сделать мир вокруг хотя бы немного лучше.

Под «Petite fleur» мы танцевали на нашей свадьбе, с закрытыми глазами, в белых одеждах и с громко (нам так казалось) бьющимися сердцами; мы пели ее в машине по дороге к морю, а южный ветер из окон сбивал с ритма; под нее мы накрывали в нашей крошечной квартирке длиннющий стол от прихожей до балкона, это был первый день рождения твоей мамы, по телевизору показывали парад в честь Дня взятия Бастилии⁸, наш пудель Чаки облаивал колыхавшиеся от ветерка края белых скатертей, а я делала сангрию из белого вина и напевала заученное наизусть: «Ты со мной! / Позабыть я не смог / Тебя, маленький цветок, / Навек родной»⁹.

Это были прекрасные дни.

* * *

Девочка моя, честность – понятие относительное: то, что для одного правда, для другого может быть ложью. Но в любых отношениях (с собой, прежде всего) я стараюсь не обманывать.

Встретила другого – и призналась Франку. Мы прожили с ним немало счастливых лет. Но жизнь открыла мне другую дверь. Там ждал мир, поначалу показавшийся странным,

⁸ Французский национальный праздник, отмечается 14 июля.

⁹ Перевод И. Олехова.

безрассудным... Многие вещи не нуждаются в полном понимании; их нужно чувствовать.

Я испугалась этого чувства, потом попыталась заглушить, в итоге оно стало больше меня – и я решила нырнуть в глубину моря, оставив на берегу мысли, что могу утонуть.

Однажды в книге, забытой кем-то в поезде, я встретила строки Хикмета (уже о нем вспоминала). «Ведь если я гореть не буду... и если ты гореть не будешь... и если мы гореть не будем... так кто же здесь рассеет тьму?»¹⁰

Флора, я позволила себе гореть в любви. Да, меня осудили, я потеряла дорогих сердцу людей. Хотя меня до сих пор и мучает чувство вины, я понимаю, что тогда иначе поступить не могла. Еще напишу.

Люблю,
Ани

¹⁰ Перевод Л. Мартынова.

10. Жизнь открывает ладони, показывает сокровища

Флора,

прости за настроение последних писем. С прошлым у меня сложные отношения. Мучаю себя попытками вписать произошедшее в свою идеальную картину мира (эта идеальная картина больше мешает, чем вдохновляет, будь осторожна, девочка моя). Не получается, и тогда джем на плите подгорает.

Ну ладно, не хочу о грустном, тем более, я с четверга тебе не писала. Поделюсь тем хорошим, что случилось за эти дни.

Рассветы – все больше в них влюбляюсь. Они возвращают надежду. Именно на рассвете жизнь открывает ладони, показывает сокровища. И отдаляешься от тяжелых мыслей, которые ночью мешали спать.

Ох, Флора, будь осторожна с мыслями. Не лелей тяжелое и злое – подобное быстро приживается. Дедушка мне постоянно напоминал: «Ани, мозг подобен саду: не будешь выпалывать дурные мысли – не вырастишь мечту».

Просыпаюсь на рассвете, здороваюсь с морем (оно никогда не бывает таким, как вчера), завариваю кофе, выхожу

к берегу. Впитываю первые мгновения нового дня: щелчок хлопнувшей за мной входной двери (смазала замок теплым маслом, больше не скрипит), цвет песка под ногами (отражает оттенки неба), далекий смех рыбаков (хочется верить, что они друзья, а не враги морей).

Достаю из кармана пакет с кусочками вчерашнего хлеба, кормлю чаек. Мигом слетаются, орут, уже узнают меня.

Возвращаюсь домой другая, не та, что проснулась утром. Спокойнее, с верой в скорую встречу. Включаю радио, там утренняя передача – песни моей молодости. Жак Брель поет «Madeleine»¹¹: «Мадлен – это мой горизонт, / Это моя собственная Америка. / Она слишком хороша для меня, / Как говорит ее кузен Гастон»¹². Вспомнила день, когда мы познакомили твою маму с морем.

Это было двадцать пятое марта, Саре только исполнилось пять, и мы с Франком ждали солнца, чтобы отвезти ребенка к морю. Наконец в субботний день выглянуло робкое солнце, и мы двинулись к морю. Ехать было восемь часов. В пути уплетали кунжутные булочки, обсыпав золотистыми семенами весь салон (я так и не научилась есть эти булочки аккуратно, мне кажется, это невозможно и... неинтересно).

Когда Сара увидела «столько воды», она подбежала к самым волнам. Ее желтая шляпка сползала на глаза. Села на корточки, протянула ручки, чтобы притронуться к воде. Я

¹¹ «Мадлен» (*фр.*). Автор стихов Жак Брель.

¹² Перевод О. Середохина.

придерживала ее за плечи, чтобы она не упала...

На обратной дороге Сара придумала сказку о старушке, которая жила одна в домике у моря, варила варенье и подолгу смотрела на море. «Она ждала, когда приплывут ее детки и съедят вкусное варенье».

Твоя мама так и не окончила сказку, заснула у меня на руках, которые все еще пахли кунжутом. Еще напишу.

Люблю,
Ани

11. Слушай сердце, в нем карты главных маршрутов

Флора,

твоей маме было, наверное, лет четырнадцать, когда она спросила меня о любви. Я видела, как Сара волнуется, слышала, как дрожит ее голос (то ли от лавины вопросов, то ли от внутреннего протеста), как через поиски, сомнения и желания она узнает себя. «Везде пишут, как важно дожждаться “своего” человека. Мам, откуда взялась идея, что есть та или тот единственный человек, с которым возникнут особые связь и понимание? Ты в это веришь? И не мучительно ли ожидание, если не уверен в том, что оно не напрасно?»

Я смотрела на эту девочку (как же она напоминала меня!), ее каштановые локоны, тонкие запястья, и мне хотелось укрыть ее от всех будущих неприятностей, отгородить от разочарований в себе, людях, стремлениях. И о любви мне хотелось рассказать, но я не могла: у каждого свой путь к любви. Единственное, что смогла ей сказать: слушай сердце, в нем карты главных маршрутов.

Девочка моя, с тех пор прошло много лет. Сегодня я готова и тебе сказать то же самое.

Сию на пирсе: запах мокрого дерева, брызги волн, солн-

це греет лицо. Где-то недалеко, кажется, на площади Поступков Влюбленного, уличные музыканты отбивают латиноамериканский ритм. Внутри меня тишина, из которой не хочется выходить. Светлая тишина. В ногах – холщовая сумка: сыр, яблоки, хлеб.

Пишу письмо, подложив под бумагу книгу Хикмета. Открываю наугад. Страница сто семьдесят четыре. «Люблю тебя, как хлеб, что в соль макаю, / Как жажду свою рано поутру, когда я жадно к крану припадаю, как будто без воды сейчас умру, / Как радость ожидания от чуда, когда посылку раскрываю я, что прислана неведомо откуда и неизвестно кем в мои края»¹³.

Флора, женщина всегда хочет верить в «раз и навсегда». У кого-то так и складывается. Но чаще жизнь учит не привязываться, не зарекаться и продолжать идти дальше, навстречу новому, неизвестному. И урок этот – прежде всего урок честности с собой. Кому-то удобнее мучиться там, где нет любви, чем становиться счастливой там, куда зовет сердце.

Мы боимся ставить под сомнение общественные стереотипы. Не забывай, Флора: их придумали люди, далеко не идеальные создания. На самом деле для счастья в жизни есть все.

Люблю,
Ани

¹³ Перевод М. Ахмедовой-Колюбакиной.

12. Пусть свет в твоих глазах не угасает

Флора,

сегодня сложный день. Море выбросило на берег тела пяти дельфинов. Мы с Нелли обнаружили их утром. Браконьерский беспредел: дельфины попадают в сети, предназначенные для осетровых, и погибают от удушья. До сих пор не могу успокоиться.

Сегодня внутри меня – злость; она мучает, с ней тяжело (не могу написать «жить», потому что когда злишься – не живешь, существуешь). Ничего не могу с собой поделать, да и не надо. Даже такое глубоко неприятное чувство надо признать и позволить ему некоторое время существовать. Общество придумало себе эпоху всеобщей радости и настоятельно призывает избавляться от печали как можно быстрее...

Когда-то я думала, что в своем нынешнем возрасте многое (если не все) пойму про мир, приму его. Не получилось, Флора. Все еще полна протеста. Учусь любить жизнь с ее несправедливостями. Не верю в слепую любовь – к человеку, дому, работе, стране, в целом к жизни. Когда любишь, четко осознаешь все «за» и «против». Все грани, нюансы, шрамы.

Приехали представители экологической организации, по-

хоронили дельфинов.

Возвращались с Нелли домой, говорили о человечестве. Я сказала, что человек давно стал рабом собственной подлости: да, он может достигнуть какой-то вершины, но долго удерживаться на ней не может, пороки тянут вниз.

«Да, Ани, нет более жалкого и более прекрасного создания, чем человек. Но я убеждена, что добра среди людей было и будет больше. Я верю в это, когда прихожу в местную школу. Там старшеклассникам объясняют, как спасти выбросившегося на берег дельфина, как правильно накрыть его мокрой тканью или водорослями, как правильно полить, как важно не тянуть за хвост в воду... Я вижу сострадание в глазах детей, как они хотят сделать мир лучше. И молюсь, чтобы этот свет в них не угасал».

Две кастрюли виноградного джема (из сорта «Изабелла», темно-пурпурного, с трудом его достала!) подгорели. Недосмотрела. Это окончательно выбило из колеи. Вышла из дома на перекур, увидела на прибрежном песке следы утренних дельфинов и заплакала.

Флора, мне было так же горько, как в двадцать лет в университетском общежитии после проваленного экзамена. Боль везде одинакова. И у моря, и у многоэтажки. И в тридцать, и в семьдесят пять.

Вернулась домой, выкинула остатки джема за дом, пусть чайки склюют. Завтра новый день. Еще напишу.

Люблю,
Ани

13. Немного солнечного мая – и, тоненький бисквит ломая, тончайших пальцев белизна

Флора,

вчера сама не заметила, как заснула в кресле у окна. В платье, с ручкой и блокнотом в руках. Каждый день перед сном открываю окно хотя бы на полчаса, слушаю море. В темноте волн почти не видно, но их песня передает настроение воды, и я по памяти подбираю под нее стихи или песню. Судя по записи в блокноте, вчера вспомнился Мандельштам: «Немного красного вина, / Немного солнечного мая – / И, тоненький бисквит ломая, / Тончайших пальцев белизна».

За окном – рассвет. Традиционно я просыпаюсь с первыми лучами солнца и первым делом подхожу к окну, записываю в тетрадь состояние моря – каким его вижу, единого цвета или в оттенках, в шторме или штиле. Вот сегодня море похоже на старый дом, над ним кружат чайки и ждут, когда хозяйева угостят их кунжутными бубликами.

Уже собиралась идти в ванную, когда на глади сонного моря увидела глаза ребенка. Сначала решила, что твои, девочка моя. Но вдруг облака разошлись, и под солнечным светом я узнала Робера. Того мальчика из детского дома. Твоя мама

наверняка помнит эту историю.

Как-то летом мы с Сарой поехали к морю. Там отравились и с высокой температурой попали в местную больницу. К нам в палату положили мальчика по имени Робер, из детского дома. Ему было три с половиной года, он тоже болел. Копна светлых волос, голубые глаза, недоверчивый и одновременно нежный взгляд.

Я ухаживала за Робером и Сарой одновременно, читала им сказки, показывала маленькие спектакли про заблудившегося в лесу лисенка, а когда им делали уколы, пела песню про утят. «Это танец утят, которые, выходя из пруда, отряхивают лапки и крикают»¹⁴.

Это были веселые дни, хотя дети болели. Они улыбались – это главное. Как сказал врач Саре и Роберу, «улыбкой вы помогаете нам быстрее вас вылечить».

Наступил день выписки. Нас с Сарой отпустили во вторник, Робер выписывался на следующий день. Когда мы прощались, мальчик обнял меня и сказал: «Мама, не уезжай». Никогда не забуду его глаза. Они напоминали осеннее море во время дождя.

Пообещала за ним вернуться (взяла у врачей координаты детского дома). Мы приехали домой. Я рассказала Франку про малыша, просила его забрать. Он так и не согласился.

¹⁴ Фрагмент популярной детской песни «La danse des canards» («Танец маленьких утят», *фр.*), переведенной на многие языки мира и исполнявшейся в разных странах. Автор – Вернер Томас.

Спустя два месяца я все же поехала за мальчиком, но к тому времени Робера уже усыновили...

Сходила за виноградом – сегодня мой день, я снова нашла тот самый сорт «Изабелла». Снова варю джем (не могу простить себе, что предыдущий подгорел). Принялась за самую кропотливую часть процесса – разрезать каждую ягодку на двое, удалить косточки. Затем засыплю их сахаром на полдня... Флора, для виноградного джема лучше брать темные сорта: аромат у них сильнее и цвет дают красивый. Я еще добавляю пару ложек бальзамического уксуса, он придает джему слегка карамельный вкус.

Пока ягоды пускали сок, замесила тесто. Буду печь пироги с брусничным джемом, отвезу их в детский дом, что на Коричневой улице, недалеко от швейной фабрики. Познакомлюсь с детишками. Не зря мне вспомнился Робер; когда думаю о нем, вижу облачко золотых блесток. Надеюсь, он счастлив. Еще напишу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.